

И. Крупеникова

МУЗЫКАНТ

Добродушное майское солнце окинуло гигантский город прощальным взглядом. Вечерние лучи коснулись крыш высотных домов, протекли вдоль пустеющих улиц и, как заботливые материнские руки, тронули засыпающие в скверах липы и клены. Рыжий костер вспыхнул в окнах, обращенных на запад. Карабкаясь вверх с этажа на этаж, холодное отражение цеплялось за стекла квартир, и полыхало, будто живой огонь, тщетно пытаясь заменить собой уходящее светило. А солнце чинно шествовало за горизонт, оставляя земле нежное дыхание и тонкий аромат весны.

Вечер взошел на свой шаткий трон. Но напрасно рассылал он повсюду прохладные ветры — вестников ночи. Оживление во дворах, очерченных серыми громадами “сталинок”, не угасало. Азартно стучали по грубо сбитому столу фишки домино, и “рыба” неизменно сопровождалась громогласным хором безобидных ругательств. На скамеечке неподалеку бабуся, поплотнее запахнув кофты, продолжали судачить о Жилсобесе, о последствиях прошлогодней реформы, о новом ухажере Любки из третьего подъезда и обо всем, что когда-то коснулось их вездесущих ушей. А карапуз трех лет от роду, раскачиваясь на качелях, тонким визгливым голоском оповещал всю округу о том, что он — Юрий Гагарин и его ракета летит в космос.

Большой видавший виды двор жил своими устоями, и каждый, возвращаясь домой из бурлящих страстями контор, из охваченных новаторскими идеями заводов, из беспокойных школ и вечно стремящихся в неведомое институтов, окунался в атмосферу размеренного бытия. Казалось, ничто на свете не способно изменить житейские порядки, спрессованные еще в тревожных тридцатых, устоявшие под напором грозных сороковых и вдохновленные трудовыми пятидесятыми.

Открытое настежь окно тотчас впустило в квартиру все привычные звуки двора: гомон детей, залиvistый смех девчонок в сквере, густые басы отставников, визгливый голос “управдомши”, вопль кота, застрявшего на дереве, и далекий перезвон трамваев. Без сомнения, так будет продолжаться, пока ночь не сомкнет над неугомонным двором свои темные крылья. Мамаши загонят мальчишек домой, притихнут и разбредутся по лавочкам юные пары, прохромает в свою коммуналку сварливый Петр Васильевич — известный всем “капитан”, и двор заснет, чтобы встретить следующий день гимном Советского Союза из радиоприемника, включенного на полную мощность этим самым “капитаном”.

— Слышите? Скрипка... — Павел выпрямился, как струна, весь превратившись в слух. — Мам, слышишь? Мать отставила тарелку и прислушалась.

— Действительно, скрипка... Вивальди, кажется...

— Нет. Он импровизирует. Слышишь... Вот это сейчас было. Это больше похоже на Грига... Какой пассаж! Мам, кто это играет?

Та передернула тонкими плечами и встала.

— Не знаю, милый. Хочешь, Борис вывезет тебя на балкон?

— Ага...

Мальчик в инвалидной коляске не отрывал глаз от открытого окна. Незнакомая скрипка завораживала. Она взывала, требовала, грозила, жаловалась, страдала, кляла. И с каждым пассажем, с каждой новой нотой, из непознанных уголков сознания выступала капля тревоги.

— Пашка! Эй, очнись на секунду. Куда тебя доставить?

Мальчик поднял глаза на старшего брата. Борис, держа в зубах карандаш, а под мышкой тетрадь, взялся за ручки инвалидной коляски.

— Скрипка. Я хочу посмотреть, кто играет.

— Ясно, значит — на балкон.

Борис аккуратно прокатил кресло по ковру, приналег на него, чтобы без толчка пересечь порог, и мягко нажал на тормоз.

— Прибыли. Гляди!

Он повернул коляску так, чтобы Павел мог обозреть двор.

Здесь, где стены не вставали на пути звука, скрипка показалась мальчику еще более прекрасной и... опасной. Он сам не успел понять, откуда взялась мысль об опасности, но уверился в ее истинности без колебаний.

— Вон он, твой музыкант.

Павел проследил за взглядом брата и увидел. Практически напротив, на балконе четвертого этажа их П-образного дома стоял худощавый человек со скрипкой у щеки. Его правая рука плавно скользила над струнами, и невидимый отсюда смычок вел за собой в жизнь новые и новые ноты.

— Что-то я этого типа раньше не видел, — продолжал Борис. — Может в гости приехал?

— Он призывает боль, — прошептал Павел. — Эта серенада посвящена боли и гневу!

— Почему? — молодой человек отложил тетрадь на подоконник и во все глаза следил теперь за экстравагантным скрипачом в черном домашнем халате. — Паш, с чего ты взял? Он просто играет. Вроде даже Моцарта.

— Нет. Он играет свою музыку... Неужели ты не чувствуешь?

Мальчик в отчаянии посмотрел на старшего брата.

— Ну... — протянул тот, — я не настолько хорошо разбираюсь в скрипках, и вообще...

“Если он мне не поверит, я останусь один,” — мелькнуло у Павла. И тут же скрипка подхватила “один, один, один!”. Леденящий душу перелив прорезал сумрак и отчаянием обрушился на сознание. Мальчик вжался в спинку кресла и зажмурился. Если бы ноги, бездвижные от рождения, могли подчиняться ему, он убежал бы с балкона без оглядки.

— Оп-ля! Хороши приятели!

Это воскликнул Борис, разглядывавший угол сквера и детскую площадку по соседству. Павел с трудом заставил себя отвлечься от пугающей музыки. Возле деревьев, где обычно детвора играла в Юрия Гагарина, раздавался отчаянный мальчишеский рев. Кучка пацанов сгрудилась возле одного, сидевшего на земле и растирающего по грязной физиономии слезы вперемешку с кровью.

— Чего-то не поделили, — прокомментировал Борис. — Один толкнул другого, а тот ему по морде палкой. Вот она — детская жестокость в действии, — он многозначительно кивнул головой, как бы соглашаясь сам с собой.

Напыщенная деловитость брата вызвала у Павла едва заметную усмешку, но нечто тут же заставило насторожиться. Понадобилось несколько мгновений для понимания причины. Скрипка замолчала. Таинственный музыкант исчез.

Остаток вечера Павел ни словом не обмолвился о скрипаче, но Борис отчетливо видел на лице брата следы пережитого потрясения. Мальчик с раннего детства считался чрезмерно впечатлительным. Было время, когда музыка буквально руководила его настроением. Родственники и друзья матери находили тому единственное объяснение: ребенок, прикованный к инвалидному креслу, имеет особую тонкую психику, а музыкальная одаренность — плата природы за отнятые ноги. Мама никогда не поддерживала подобные разговоры, но Борис, старший сын, искренне верил, что его брат — гений. Мальчик имел потрясающий слух, способный различать тончайшие оттенки звуков, и великодушное музыкальное чутье. Его пальцы, касались ли они скрипичных струн, клавиш фортепьяно или грифа маминой виолончели, творили чудные напевы, и его музыка, будто ожившая после сказочного сна птица, парила над миром, открывая людям невиданные просторы. В неполные четырнадцать лет Павел мог бы состязаться за пальму первенства с любым признанным музыкантом. Но кресло-каталка, неизменный атрибут квартиры, сковала юного музыканта в безжалостных объятиях.

— Паш, сыграй что-нибудь, — попросил Борис.

Тот машинально потянулся за инструментом.

— Бетховена, ладно? — поспешно добавил брат.

Тонко запела скрипка. Сначала глухо, затем увереннее и увереннее зазвучала воздушная серенада. Борис понаблюдал за выражением лица Павла, убедился, что напряжение постепенно сходит на нет, и молча отошел к своим чертежам. Удивительно, но работа над проектом пошла значительно лучше.

Борис, как ни торопился домой, застал мать уже в дверях.

— Я же просила тебя не задерживаться, — раздраженно бросила она, на ходу поправляя шляпку. — Ужин на плите. Сегодня опера в трех действиях, и я вернусь только к полуночи. Будьте умницы.

Ее каблучки застучали по лестнице.

“И почему все музыканты ходят в черном?” — неожиданно для себя подумал Борис, когда черное платье мамы мелькнуло в лестничном пролете.

Почти каждый вечер мать вот так, как сегодня — непринужденно, легко и грациозно — уходила на концерт. Но всякий раз она старалась дожидаться возвращения старшего сына. Сначала из школы, теперь из института. Борис знал, чего она боялась, и поклялся себе со всей юношеской откровенностью, что никогда не оставит Пашку одного. Никогда — даже если на кон будут поставлены его благополучие, карьера, любовь. Однажды он, в порыве откровенности, выложил это брату. Пашка в первый момент растерялся, а потом выпалил. “Нет уж! Ты станешь архитектором, женишься, а я буду вдохновлять тебя и учить твоих детей музыке”.

— Гулять пойдем сегодня? — спросил Борис, водрузив на сушилку последнюю тарелку.

— А ты не занят? — в голосе брата слышалась надежда.

— Не-а. Пошли!

Скамейки возле дома были заняты соседскими тетушками, но чуть только Борис с Павлом на закорках вышли из подъезда, соседки торопливо подвинулись, уступая место мальчику-инвалиду. Молодой человек оставил брата под их опекой, а сам побежал за креслом-каталкой. Под добродушное перешептывание и растроганные взгляды, он осторожно перенес Павла в его коляску и покатил по дорожке к скверу.

— Ну как, все дворовые новости выслушал? — поинтересовался он, когда бабуси остались вне области звуковой досягаемости.

— Новость одна: “Капитан” помер, — бухнул Павел.

— Ух-ты... Да-а... — Борис не нашел, что ответить.

— Громких побудок уже не будет, — продолжал мальчик. — Жалко Петра Васильевича. Шумный был, но ведь добрый же, а?

— Пожалуй. Сердце, небось?

— Вроде так.

Пауза, призванная стать своеобразной минутой молчания, вдруг разлетелась на куски. Скрипка! Ее пронзительный голос донесся до сквера, и над головами братьев заметалась нетерпеливая fuga. Даже Борис, никогда не делавший серьезных успехов в музыке, смог различить то, что, безусловно, мгновенно уловил Павел. Скрипка радовалась. Однако радость эта не походила на эмоции человека в приподнятом настроении. Восторг был вызван отнюдь не очарованием майского вечера — fuga злорадствовала над весной, над солнцем, над свежей зеленью, над стрижами, носящимися в поднебесье, над смехом детей и воркованием молодых во дворе. Пальцы Павла, шершавые и жесткие от постоянного скольжения по струнам, впились в руку брата.

— Он воспевает смерть, — пробормотал он. — Борь, слушай! Он же плюет в лицо живущим!

Скрипка плела новые и новые кружева: вот над сквером вспорхнула полька, которую сменил гавот, затем начались невообразимые вариации цыганских мелодий и, наконец, все стихло.

Борис стремительно развернул коляску и, повинаясь их общему невысказанному желанию, побежал назад, к дому. Павел, рискуя вывалиться из кресла, всем своим существом рвался вперед, едва держась за подлокотники. Коляска подпрыгивала и тряслась на колдобинах, Борис толкал ее перед собой, что было сил, а мамыши, гулявшие в сквере с малышами, удивленно оборачивались, чтобы проводить взглядом этот странный тандем.

Братья оказались во дворе. Балаболки-соседки на скамеечках, дети возле качелей, врач из первого подъезда выводит на прогулку своего пса, доминошники собираются за самодельным столом.

— Неужели его никто не слышал? — Павел испуганно осматривал невозмутимый двор.

— Может и слышали, — Борис переводил дух после гонки по скверу, — да ничего не поняли. Чудак вышел на балкон поиграть на скрипке — что тут особенного?

Мальчик перевел на него взгляд. Брат был почти напуган, хоть и пытался это скрыть, следовательно, решил Павел, пришло время высказать свои предположения.

— Мне кажется, Музыкант... он больше, чем просто музыкант. Помнишь, вчера он играл о боли. Он как бы звал ее, и в результате ребята передрались до крови. И Петр Васильевич тоже: ведь крепкий был старик, и вдруг сердце отказало.

— Э-э, подожди. Ты хочешь сказать, что Музыкант убил “Капитана”?!

— Нет! То есть... не буквально убил. Косвенно, может быть.

— Ладно, стоп, — Борис решительно развернул кресло и опять покатило его в парк. — Мистика тут не при чем. “Капитан” своей сварливой натурой любого мог довести до белого каления. Вот этот тип и обрадовался, когда старик умер. Гадко, конечно, но в милицию его за это не приведешь.

— Но его музыка... — начал было Павел.

Брат перебил.

— Завтра я с этим скрипачом поговорю, обещаю.

— Ты его знаешь?! — Павел всем телом развернулся в кресле.

— Я видел его утром на остановке. Наверное, он мне и раньше попадался, но я не замечал.

— Ты предъявишь ему обвинение? — серьезно спросил мальчик.

Вместо ответа Борис полушутя щелкнул брата по затылку.

— Думай, что говоришь! Какие обвинения? И вообще, выкинь все из головы.

— Борь, ты ж мне веришь, — потирая голову, укоризненно заметил Павел.

— Верю-неверю. Поживем — увидим. А пока давай о чем-нибудь путном поговорим...

Борис пропустил два автобуса, но Музыканта так и не дождался. Раздосадованный, он явился в институт, опоздав на полчаса, получил нагоняй от преподавателя и просидел остаток дня в легкой прострации. Злосчастные fuga, полька, и гавот звучали у него в ушах, будто скрипач до сих пор исполнял свое попури. И на каждом новом круге этой “пластинки”, молодой человек больше и больше думал о предположениях младшего брата. Причем одна нехорошая мысль бултыхалась в океане его подсознания, время от времени выныривая наружу. Наконец, он выловил ее и удержал на поверхности. На мгновение его прошиб холодный пот. Мысль была такова: что если Музыкант действительно ВЫЗЫВАЕТ боль и смерть? А Павел способен видеть эту музыку лучше, чем кто-либо!

Едва дождавшись окончания последней лекции, Борис ринулся домой. С автобусной остановки он мчался бегом, прихватив сумку под мышкой, и, заворачивая под арку родного двора, неожиданно увидал впереди себя Музыканта. Сухой высокий человек в темно-сером грязноватом плаще и потертой шляпе, со старомодным портфелем в руках устало шаркал к своему подъезду. В его сутулых плечах, вялой походке не было ничего от подтянутого маэстро, за которым братья наблюдали два дня назад. И тем не менее перед

Борисом шел именно тот человек — хозяин небольшой комнаты с балконом в коммунальной квартире напротив на четвертом этаже.

Борис собрался с духом и уверенным шагом двинулся за Музыкантом.

— Здравствуйте, — громко окликнул он.

Худощавый в шляпе удивленно обернулся.

— Приветствую. Чем обязан, молодой человек?

— Я... — Борис не позволил себе мяться на месте, — я хотел выразить свое восхищение вашей игрой. Знаете ли, у нас музыкальная семья, мы ценим хорошую музыку. Прошедшие два вечера мы с удовольствием вас слушали. А ваш инструмент достоин вашего таланта.

На лице худощавого выразилось неподдельное изумление.

— Вы обознались, юноша. Мой инструмент, это счеты, — он усмехнулся собственной шутке. — И все “гаммы” раскладываются по дебету и кредиту. Я бухгалтер.

— Да, но скрипка, — растерялся Борис. — Скрипач на вашем балконе! Вивальди, Моцарт, Бах!

Он осекся, уловив мелькнувшую в глазах собеседника непонятную искру.

— О, вы ошибаетесь. Признаюсь вам честно: в музыке я ничего не понимаю. Однако, пожалуй, я что-то слышал вчера. Возможно, скрипка. Этажом выше, должно быть.

Он переложил из руки в руку портфель. При этом движении взгляду Бориса открылась левая ладонь “музыканта”. Костлявая, с ужасно сухой желтоватой кожей и толстыми узлами суставов, с морщинистыми пальцами, эта рука никак не могла принадлежать скрипачу. Таким пальцам не дано прижимать струну, любая скрипка отчаянно взмолилась бы о пощаде, возьми бухгалтер ее в руки.

— Яков Ильич, — бухгалтер церемонно приподнял шляпу. — Приятно было познакомиться.

— Борис, — молодой человек, не имея шляпы, автоматически протянул соседу руку. — Взаимно.

Рукопожатие Якова Ильича было слабым, стариковским. Борис решил про себя, что тот не совсем здоров. Это подтверждали и желтоватый цвет кожи, и тяжелые мешки под глазами на узком худом лице, и глаза, будто затянутые тусклой пленкой.

Яков Ильич не спеша проществовал к пятому подъезду. Борис еще несколько секунд смотрел ему вслед, затем вздохнул и побрел домой. Но не отошел и десятка шагов, как из-за приоткрытой двери, за которой скрылся бухгалтер, раздалась бабья брань. “Управдомша Катенька”, — без труда определил молодой человек, ибо “Катеньку” — здоровенную крикливую женщину, знал весь квартал. Сквозь Катенькины громогласные аккорды слышались отрывистые реплики, принадлежавшие недавнему собеседнику Бориса. Молодой человек не стал ни вслушиваться, ни вникать в смысл перепалки. Ему еще предстояло обдумать и обсудить с братом полученные только что неоспоримые факты.

Павел воспринял рассказ Бориса на удивление бесстрастно.

— Вернее всего он не осознает собственных действий, — сказал мальчик, когда брат закончил.

— Как лунатик, что ли? — фыркнул Борис. — Ляпнешь тоже! Просто я обознался, вот и все.

— А это мы скоро узнаем, — обронил Павел и, толкнув колеса каталки, отъехал от стола к окну.

— Узнаем что? — недоверчиво переспросил старший брат.

— Мне кажется, сегодня произойдет какая-то неприятность. Ведь Яков Ильич поругался с Катенькой. Кстати, я выяснил, что капитан жил в той же коммуналке, что и наш странный скрипач. Мама вспомнила. В прошлом году она приносила капитану пригласительный на концерт для ветеранов и по ошибке постучала в комнату с балконом.

Пророчества брата Борис не воспринял всерьез и с чистой совестью углубился в учебу. Из гостиной тем временем лились мягкие звуки Бетховенской сюиты. Голос скрипки подкрался к приоткрытой двери комнаты и притаился на пороге. Теплое прикосновение нот молодой человек едва ли не физически ощутил на своей руке. Вздвогнув, он оторвался от учебников, и на миг перед глазами его мелькнуло то, что воспринял слух: Павел стоял рядом у стола, стоял на своих ногах и с улыбкой опускал руку брату на плечо.

— Паш!

Он тут же пожалел о несдержанном возгласе, потому что скрипка смолкла. “Это была его мечта, — догадался Борис. — Мечта звучала, и я ее почти увидел!” Он стремительно шагнул за порог, торопясь поведать мальчику о его потрясающем успехе, и тут услышал чужую скрипку.

Без лишних вопросов, Борис выкатил инвалидную коляску на балкон.

Музыкант в черном халате невозмутимо стоял на прежнем месте. Скрипка, небрежно вскинутая к щеке, казалось, дрожала в его руках. Отрывистые ноты метались по октаве, отчего мелодия походила на воздушные ямы в грозовом небе. Аккорды гневно расплескивали отдельные звуки, будто скрипка брызгала слюной в приступе ярости.

— Соната Баха... — проговорил Павел, чьи нервы и чувства были сжаты в тугой комок. — Никогда не слышал ничего подобного...

Шокирующее аллегро терзало слушателей более двух минут. Братья не произносили ни слова. Даже воздух остолбенел от такого обилия злости и обиды, выплеснутого несчастным инструментом. Затем зазвучало адажио. Порыв ярости отступил перед тяжелой волной холодного презрения. Бессильно презирая, Музыкант

проклинал то, что ненавидел. Взлеты и падения смычка рассекали воздух новыми гнетущими звуками, а губы Павла шевелились, повторяя одно слово: “Остановись... остановись... остановись...”

— Не слушай его, — сорвался Борис и потащил кресло обратно в гостиную.

— Нет! — Павел схватился руками за перила. — Разве ты не слышишь, он мстит. За ничтожную обиду — вселенской мезью!

— Это всего лишь музыка! Он закончит играть, и все. Ничего не произойдет!

— “Всего лишь музыка”? — передразнил мальчик. — Это МУЗЫКА! И Музыкант — гений. Его звуки вырастают в реальную боль, его проклятья губят, его зло раскрывает крылья над всеми людьми. И это реальность! Реальность!

— Паш, успокойся, — попросил Борис как мог мягко, хотя сам чувствовал, что того и гляди сорвется на крик. — Пусть Музыкант — гений. Мы достаточно “насладились” его мелодиями, а теперь пора вернуться в комнату. Ты играешь Баха куда более приветливо, чем этот тип. Давай-ка, поиграй мне, и мы оба успокоимся.

— Ты не понимаешь, — тяжело вздохнул Павел. — Не хочешь понять и поверить. Прости, что я кричал. Закроем окна. Я не хочу слушать ЭТО.

И они ретировались в гостиную. Борис поймал себя на том, что их действия слишком уж похожи на отступление перед армией врага. Сдались без боя. Юноша вынес себе этот вердикт и вдруг осознал, что точнее уже не скажешь.

Звуки ужасной музыки стучались в закрытое окно, но не могли прорваться в комнату, где воцарилось кажущееся спокойствие. Текли минуты. Братья молча ждали апофеоза. И апофеоз наступил: надрывный вой сирены кареты скорой помощи обрушился на двор. Борис приблизился к окну.

— Управдомша, да? — не оглядываясь, спросил Павел.

— Похоже... — он ждал, чем закончится рейд врачей в недра подъезда. — Да, она. Сама идет, это уже хорошо. Вроде, с рукой что-то.

Стайка соседок обступила пострадавшую, закрыв Борису поле обозрения.

— А где Музыкант? — поинтересовался мальчик.

— Исчез, — брат присел напротив кресла-каталки. — Знаешь, Пашка, думаю, ты был прав от начала до конца. Этот тип материализует музыку.

— Управляет обстоятельствами посредством музыки, — поправил Павел. — Невероятно...

— Зато очевидно, — сжал зубы Борис. — И все-таки бухгалтер знает этого Музыканта! Он так необычно на меня взглянул, когда я заикнулся про скрипку! Эх, найти бы повод к нему заявиться и познакомиться с его гостем!

— Если бы гость существовал, бухгалтер бы не отпирался от скрипача на своем балконе, — заметил брат. — Тем более такого заметного: в махровом халате и со скрипкой.

— В черном халате, — поправил Борис. — И почему все музыканты ходят в черном?

Вопрос прозвучал риторически, но Павел на него откликнулся:

— Черный цвет притягивает дух, который помогает музыке парить над залом и проникать в души людей чистой и безупречной. Но если у музыканта черное не одеяние, а душа...

Воскресное утро началось прекрасно. Мама, отдохнувшая и посвежевшая после хорошего сна, колдовала на кухне, пообещав сыновьям нечто “божественно вкусное”. Май в этом году превзошел самого себя. Земля благоухала, и только самый черствый человек мог сидеть в такой день дома за закрытыми окнами. Легкие занавески трепетали на ветру, будто праздничные флаги, развешанные по всему дому в честь пробудившейся природы. Даже воробьи, завсегдатаи подоконников и карнизов, не боялись колышающихся белых призраков человеческого жилища.

Павел застыл перед распахнутым балконом со скрипкой на коленях. Ни одна нота не прозвучала пока в это прелестное утро, что слегка удивило маму. Обычно мальчик играл с самого рассвета. Женщина время от времени проходила мимо гостиной и видела сына, сидевшего в своем инвалидном кресле спиной к дверям. Если бы она приблизилась к нему и заглянула в лицо, она бы испугалась. Павел походил на бойца перед судьбоносной атакой: суровый, непоколебимый, спокойный. Казалось, вся его душа затаилась в серых, обычно наивных, глазах, готовая рвануться в бой чуть только скрипка взметнется к плечу и взлетит над струнами смычок.

Борис слонялся по комнате позади брата. Он понимал, что так угнетало мальчика весь вчерашний вечер и с какими мыслями Павел проснулся нынче утром. Накануне оба позорно бежали от преступного разгула чужой скрипки, расписавшись в собственном бессилии. Вот что заставляло стонать сердце юного скрипача.

Остановившись возле фортепьяно, Борис рискнул обратиться к брату.

— Паш... Пашка. Ты что задумался?

— А?... Подожди. Чувствуешь? Оно в воздухе... Как будто, гроза собирается.

— Да ты что? Небо чистое, как...

— Нет. Гроза в звуках. Он концентрируется... Борька, следи за балконом! Выкати меня туда, выкати!

Борис схватил ручки коляски и толкнул ее к порогу.

— Музыкант!

Возглас брата отдернул взгляд Бориса от пола. Ему показалось, что на противоположном балконе из черной тени, отброшенной козырьком крыши, вылепилась фигура. Человек в черном халате.

— Он возник из ниоткуда. Борька, я так и знал! Это фантом! Дух, призрак!

Не будь Борис убежденным реалистом, он бы поверил мальчику. Но разум тут же предоставил переполошившимся чувствам логичное объяснение: резко поднятые глаза, свет и тень — все это послужило причиной видения. На самом деле человек просто-напросто вышел из сумрачной комнаты на освещенную площадку.

— Паш, уймись. Всего лишь сосед-бухгалтер и...

И тут “бухгалтер” медленно поднял скрипку, которой мгновение назад не было в его руках. Плавно вознесся смычок. И полилась музыка.

Баховская соната ля-минор. Но не вздохи влюбленных, чьи сердца трепетали в предвкушении встречи, не страдания скитальца вдали от родной земли пела странная скрипка. Соната превратилась в мученические стенания приговоренного к смерти, в которых слышалась и горечь, и сарказм, и жалость к себе, и ненависть к тем, кто оставался жить.

Оглушенный лавиной разноликих чувств, Борис не заметил, как Павел прильнул щекой к теплему дереву своего инструмента. Струны притаились в ожидании... Призывный перелив пролетел над двором и ринулся наперерез рыдающей сонате. Борис вздрогнул, когда слух его обволокла пауза — детище изумления. Она длилась всего миг, а затем исчезла в жизнерадостном престо, хлынувшем из-под пальцев Павла. Обретшие свободу ноты без устали мчались друг за другом, и не было им конца. Они кружились над домом вместе с пылью цветущих яблонь, раззадоривали ленивые ароматы едва распустившейся сирени и играли в пятнашки с ветром среди развешанного хозяйками белья. То звучало чудо самой весны.

Черный Музыкант, замолчавший под напором жизненной силы, вновь обрел голос. Тяжелые аккорды потекли над асфальтовыми дорожками городского двора. Фатальное одиночество и безысходность утверждало давящее адажио. Человек ничтожен, он песчинка в гигантском мире — угрюмо гудела скрипка. Извивающимися полутонами мелодия ползла вверх по октаве, и завывание воображаемого океана наполнило пространство. Жизнь швыряет человека в бушующие волны, — продолжал черный Музыкант, — бьет о глухие стены, слепленные из тысяч бездушных песчинок. И ни одна из них не двинется, чтобы позволить потерявшемуся в вихре судьбы отыскать свое место в холодной череде скал.

Подхватив образ моря и скалистого берега, смычок Павла широким взмахом вальса разогнал свинцовые тучи и открыл солнце. Повинуясь вдохновению Штрауса, песчинки, поднятые в воздух, кружили и стелились над берегом, норovia вовлечь в хоровод одинокую соплеменницу. Стань одной из нас, — взывали они, — иди в наш танец. Ты часть нас, а мы часть тебя! Иди же, освободи себя от одиночества!

Павлу показалось, что Музыкант в какой-то миг заколебался. Стремясь вырвать человека из паутины безысходности, юноша и его скрипка на крыльях Штраусовского “Очарования жизни” ринулись дальше по туннелям сознания, навстречу черному скрипачу. И... врезались в ехидный танцевальный напев.

Стань одной из нас, — передразнило ухмыляющееся стаккато, — и, как все, из “я” превратишься в “мы”, такое же вульгарное, как уличный плакат! “Мы” — это масса, где тебя уже нет.

Простенькая слащавая мелодия сорвалась, и на Павла обрушилась торжественная сюита, в которой с трудом угадывалось творение Генделя. В темпе аллегро торжественная армада звуков перенесла мальчика внутрь гигантской темной башни, чьи стены надежно отгородили от мира все богатства человеческой души. Здесь на пыльных полках хранились некогда блестящие мысли, увядали во тьме немногочисленные чувства, гордо любовались собой не востребуемые таланты, и уродливым трупом лежала в углу погибшая давным-давно любовь.

Пронзительно запела, взывая к вниманию, струна. Смотри, смотри, смотри!... Сумасшедшая мазурка запрыгала по стенам и, распахнув несуществующую до сих пор дверь, ринулась в хаос внешнего мира. Сию же секунду внешний мир ворвался в запечатанную башню. Во мгновение ока с полок были украдены самые красивые мысли, отчаянно метались в поисках укромного уголка чувства; непонятые оскверненные таланты ползали в грязи возле порога, а труп любви был растоптан в прах грубыми ступнями.

Мазурка хохотала над ужасом, охватившим мальчика. Не в силах осознать, где сон, а где явь, он мог только думать о чудовищном представлении, устроенном для него Музыкантом. Он не помнил, как долго молчал его инструмент, но вот пальцы легли на струны. И скрипка запела серенаду. Павел даже не знал, какую именно пьесу принялся играть. Музыка лилась сама, невзирая на потрясение и страх, и главной темой этой грустной мелодии была жалость. Мальчик жалел одинокого Музыканта, видевшего во всем, что находилось вне каменных стен его башни, одно лишь глупое зло. Он попытался нарисовать ему другую картину — распахивается дверь, и свет заливают темницу; встретив солнце, расцветают чувства, в его лучах искрятся забытые мысли, шагают навстречу людям таланты и возрожденная из праха любовь раскрывает волшебные белоснежные крылья.

Музыкант свысока усмехнулся двумя тактами какого-то марша, и продолжал в надменном соль-мажоре.

Жалеешь меня, малыш? Призываешь открыть душу и отдать мой гений безликому “мы”? А что я получу взамен?... Скрипка рассмеялась виртуозным пассажем. Что ты сам получаешь за свою великолепную музыку? Может быть “мы” дадут тебе ноги, чтобы ходить? Загляни в собственную башню, парень. Оглянись, посмотри... Ты один, один, один! Душераздирающее неумное виваче завертелось вокруг Павла. Коварные

звуки хлестали слух, раскаляли рассудок и выводили перед глазами силуэты несуществующих видений. Кульминационный момент пьесы, рожденной черным Музыкантом, предстал перед ним в облике башни, где его, Павла, по пояс замурованного в камень, окружали лишь голые серые стены.

Человек без ног! — глумилась скрипка, — ты считаешь, что жив? Обманутый ребенок! Меня смерть грызет изнутри, а тебя она связала еще при рождении. Она обрекла тебя на одиночество! И смеется, смеется, смеется...

Музыкант в черном халате действительно смеялся. Со струн его скрипки срывались невообразимые визжащие ноты, которые, как ни странно, складывались в логически правильную мелодию. И эта ужасная музыка носилась над домом, заглядывая в распахнутые окна и открытые двери. Два кота на козырьке крыши с отчаянными воплями вцепились друг в друга. Надрывно лаяла где-то в сквере собака. На втором этаже испуганно плакал младенец, и молодая мамаша, взвинченная и уставшая, резким голосом бросала стандартные в таких случаях реплики, от чего малыш заливался еще сильнее. Три соседки визгливо ругались во дворе по поводу сушившегося белья. Кашлял и чихал мотор “Победы”, водитель сквернословил и, красный от гнева, стучал ладонью по открытому капоту машины. А Музыкант продолжал хохотать над людьми, в чьих душах его музыка посеяла злобу и хаос.

Павел готов был закрыть ладонями уши и закричать, как вдруг истерия чужой скрипки захлебнулась в величественных аккордах “Первого концерта” Чайковского. Фортепьяно яростно бросило в атаку всю мощь своих звуков. И пусть Борис позабыл со времен музыкальной школы некоторые нюансы техники, зато ЕГО Чайковский безапелляционно утверждал: пока жива Земля, пока над ней бушуют ветры и летают птицы, пока дышат деревья и реки несут свои воды далеким морям, будут жить и дружба, и преданность, и любовь.

Музыка разливалась и разливалась и не было ей конца. Скрипка Павла вторила фортепьяно, и чувства мальчика, приведенные в смятение коварным Музыкантом, вновь обретали спокойствие и равновесие. Его мимолетное сомнение, посеянное кантатой одиночества, скатилось по щеке единственной слезинкой и растаяло навсегда. Их с братом дуэт никогда не разобьют никакие Музыканты, думал Павел, и широкие торжественные такты великого произведения зывали людей к миру, мудрости и доброте.

Мальчик мельком взглянул на дверь и увидел мать, на цыпочках входящую в комнату с виолончелью в руках. Она бесшумно опустилась на стул, прикрыв глаза, поймала такт, и грудной теплый голос ее инструмента обнял сыновей.

Чужая скрипка осеклась и смолкла. А когда последний аккорд концерта застыл в очарованном воздухе, Музыкант в черном халате исчез без следа.

А потом был прелестный завтрак и улыбающаяся мама, нежно смотревшая на юношей. Она так и не поняла, что заставило Бориса сесть за фортепьяно и почему так отважно звучал в это утро Чайковский. Но мама виолончель, безусловно, поставила последнюю точку в споре с Музыкантом, и братья радовались их общей бесспорной победе.

Оставшись одни, Павел и Борис долго сидели молча друг против друга за большим обеденным столом в гостиной: Борис верхом на стуле, Павел в своем кресле-каталке. Мальчик хотел рассказать о тех картинах, которые породила в его сознании чужая скрипка, но по глазам брата понял — не имеет смысла, ибо он видел и чувствовал почти то же самое.

— Наверное, ты зря не стал поступать в консерваторию, — Павел вслух подвел итог своим мыслям.

Борис только усмехнулся.

— Как думаешь, что теперь будет делать Музыкант? — нерешительно спросил мальчик.

— Трудно сказать. Меня больше интересует, кто он такой? И как этот эгоист вообще мог достичь подобных высот в музыке? Ты подумай только: он творил то, что сотни людей до него просто исполняли. Он пользовался произведениями великих композиторов в своих гнусных целях. Он скомпрометировал Баха, посмеялся над Генделем, надругался над Вивальди. Ему в руки попало нечто, позволяющее творить! Представляешь, он же мог творить реальные чувства!

— Представляю, — тихо откликнулся Павел. — И он сотворил: погубил “капитана”, поранил управдомшу Катеньку, заставил всех перессориться и переругаться.

Борис согласно кивал.

— Мне вот интересно, ОТКУДА у Якова Ильича этот дар? Купил он его, что ли?

— Как Фауст, — не то пошутил, не то предположил брат.

Молодой человек, оттолкнув стул, решительно встал на ноги.

— Я иду к бухгалтеру.

— Нет! — непроизвольно вырвалось у мальчика. — Борь, подожди! А что если Музыкант до сих пор там?

— Поэтому ты будешь сидеть здесь со скрипкой и прикрывать мои тылы, — совершенно серьезно сказал

Борис.

С этими словами он вышел в коридор. Гулко хлопнула входная дверь.

Павел подкатил кресло ближе к открытому балкону и во все глаза стал следить за окнами бухгалтера. Боковым зрением он заметил брата, забежавшего в пятый подъезд, затем вновь нескончаемой чередой потянулись минуты ожидания. Несколько раз мальчик ловил себя на том, что мысли начинают отрываться от настоящего и уплывать в мир сновидений. Встряхнувшись в очередной раз, он огляделся и... оторопел. На

балконе их квартиры стоял Музыкант. Худощавый, высокий, в черном домашнем халате, перехваченным на талии поясом, он стоял и грустно улыбался.

— Вы кто? — выдохнул Павел, сам не замечая, как напряглись пальцы, зовущие на помощь струны.

— Ты сам назвал меня Музыкантом, — ответил глухой, похожий на ветер, голос.

— Зачем вы пришли? — Павел старался выглядеть спокойным, но это ему плохо удавалось.

— Пришел на зов. Теперь ухожу.

— Почему?

— Твой брат тебе расскажет. Рад был познакомиться с тобой, Павел.

— Вы знаете мое имя?

— Я знаю очень многое. Может быть когда-нибудь ты тоже позовешь меня, — он задумчиво посмотрел на руки мальчика и скрипку, лежащую на коленях. — А впрочем, вряд ли, — он улыбнулся еще печальнее. — Меня никогда еще не звал счастливый человек. Прощай.

— Подождите! — Павел подался вперед. — Я хотел сказать... хотел сказать: спасибо.

Брови таинственного визитера приподнялись.

— Спасибо за то, что вы научили меня творить! — торопливо, продолжал юный скрипач. — Теперь я знаю, как оживить мечту!

— Ты достигнешь небывалых вершин, — тихо и торжественно пробормотал Музыкант.

Павел поднял глаза. Балкон был пуст, движения в окнах бухгалтера не наблюдалось, зато во дворе возле пятого подъезда стояла белая машина с красным крестом. Мальчик не мог сказать, когда она подъехала, и, тревожно глянув на часы, обнаружил, что брат отсутствовал уже более получаса. Холодный пот выступил на спине, когда Павел понял — уснул. Тут же вспомнился разговор с Музыкантом на балконе. Однако вместо вполне логичного в данной ситуации страха, он испытал нечто вроде облегчения. С братом ничего не стряслось, — продиктовало подсознание, — и Музыканта больше нет.

Борис вернулся минут через десять. Бледный и слегка рассеянный, он прошел в гостиную и плюхнулся на диван. Павел ждал.

— Яков Ильич умер, — объяснил, наконец, молодой человек. — Оказывается, у него был рак, неоперабельный. Врач со “скорой” сказала, что он мог умереть в любую минуту. Я всю коммуналку переполошил, пока пытался достучаться в его комнату. Мужики дверь высадили, а он там... почти мертвый.

— Он тебе что-нибудь сказал? — сам не зная почему, спросил Павел.

— Не мне лично. Но сказал. Только одно слово — “ненавижу”.

Борис откинулся на спинку дивана и прикрыл глаза.

— Несчастный человек, — Павел невольно оглянулся на балкон, — а Музыкант так хотел служить счастливым!

Юноша приложил скрипку к щеке и заиграл. “Элизиум” Бетховена наполнял скорбью и надеждой. Музыка распахнула занавес, и возник вечный Ахерон — рубеж прошлого и будущего. На его мрачных водах медленно качалась одинокая лодка, несущая в прошлое отчаявшегося человека, так и не отдавшего людям ни крупинки своего существа. Мягкие переливы звуков подталкивали лодку дальше и дальше, пока она совсем не скрылась в таинственном безвременье. Легкая, как пух, печаль соскользнула со струн и растаяла. А на берегу, зовущемся “будущее”, зазеленели ростки новой жизни.

Музыка Творящая вскормила робкую мечту, предоставив ей неиссякаемый родник Веры. В безграничном просторе вспыхнула звезда. И к ней, сквозь туман, ветры и дожди, скрипка понесла волшебные звуки. Произведения великих мастеров, оживающие в добром сердце Творящего, могут отодвинуть боль, вдохнуть любовь, заставить убийцу опустить оружие, распахнуть тьму перед незрячим, взрастить сады в пустыне, рассеять тучи в небе и душе. Юный Музыкант верил: да будет так.

Апрель 1999